

Источник сканирования - Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX-XIV вв. Изд. Социально-экономической литературы Москва 1961. Академия Наук СССР, Институт философии. Составители: С.Н.Григорян и А.В.Сагадеев.

О ДУШЕ **(Фрагмент из «Книги спасения»)** **Раздел о растительной душе**

Когда элементы смешаны более соразмерно, то есть более уравновешенно, чем в упомянутых телах¹, из них благодаря силам небесных тел возникают и другие виды сущего и в первую очередь растения. Одни растения вырастают из семени и выделяют некое тело с тем, чтобы оно служило субстратом для силы размножения, а другие растут, возникая самопроизвольно, без семени. Поскольку растения питаются сами, они имеют питательную силу, а поскольку они растут сами, у них имеется сила роста. Далее, поскольку некоторым растениям свойственно порождать себе подобное и быть порождением себе подобного, они имеют силу размножения. Сила размножения не тождественна питательной силе, так как, например, у неспелых фруктов есть питательная сила, но нет силы размножения. Равным образом у них есть сила роста, но нет силы размножения. Точно так же и питательная сила не тождественна силе роста — действительно, разве ты не видишь, что состарившиеся животные имеют питательную силу, но не имеют силы роста?

Питательная сила, питая, возмещает то, что уже разложилось. Сила роста увеличивает субстанцию главных органов в длину, вширь и вглубь, при этом — не как придется, а так, чтобы они достигли предела роста. Сила же размножения придает материи форму определенной вещи; она отделяет от данного тела такую часть, в которой находится приобретенная у него сила и которая совершает свои действия, когда существуют материя и место, готовые принять ее действие. Из вышеизложенного ясно, что все действия растений, животных и людей совершаются благодаря определенным силам, возвышающимся не только над действиями, совершающимися в (неорганических) телах, но и над природой самой смеси (элементов).

После растений идут животные. Последние возникают из сочетания элементов, смесь которых намного уравновешеннее, чем

¹ Имеются в виду неорганические тела.

Две предыдущие², и поэтому оказывается готовой принять животную душу, поскольку она уже миновала ступень растительной души. И чем более она уравновешенна, тем больше становится ее способность принять другую силу души, более утонченную, чем предыдущая.

Душа есть как бы единый род, который может быть некоторым образом разделен на три части. Первую часть составляет растительная душа; она — первое завершение естественного органического тела в той мере, в какой оно размножается, растет и питается. Пища же есть тело, коему свойственно уподобляться природе того тела, для которого оно служит пищей, прибавляя к нему или столько же, сколько в нем разлагается, или больше того, или меньше того. Вторую часть составляет животная душа; она — первое завершение естественного органического тела в той мере, в какой оно воспринимает единичное и совершает произвольные движения. Третью часть составляет человеческая душа; она — первое завершение естественного органического тела в той мере, в какой оно совершает действия благодаря осмысленному выбору и рассуждению и поскольку воспринимает всеобщее.

У растительной души — три силы: во-первых, питательная сила, которая изменяет некоторое тело, отличное от тела, в коем она пребывает, так, что оно становится подобным телу, в котором она находится, возмещая то, что уже разложилось; во-вторых, сила роста, которая увеличивает каждый участок тела, в коем она находится, пропорционально его размерам по длине, ширине и глубине так, что она доводит его до завершения роста; в-третьих, сила размножения, которая берет от тела, в коем она находится, некоторую часть, потенциально подобную ему, и производит в ней с помощью других, подобных ему тел, такие действия созидания и смешения, благодаря которым она становится актуально подобной самому телу.

Раздел о животной душе

У животной души при первом делении оказываются две силы: двигательная и воспринимающая. Двигательная сила подразделяется на два вида: она является двигательной или как начало, побуждающее к движению, или как действующее начало. Двигательная сила как побуждающее начало есть вождедеющая сила. Когда искомая или избегаемая форма запечатлевается в воображении, о коем мы еще много будем говорить позже, она побуждает эту силу к движению. Вождедеющая сила

² То есть смеси неорганических тел и растений.

делится па силу, называемую силой страсти, — она побуждает к такому движению, посредством которого она заставляет тело в поисках удовольствия приближаться к вещам, представляющимся необходимыми или полезными, — и на силу, называемую силой гнева, — она побуждает тело к такому движению, посредством которого она заставляет его отвергать вещи вредные и тлетворные для их поборенья. Что же касается двигательной силы как действителя, то это такая возникающая в нервах и мускулах сила, коей свойственно вызывать сокращение мышц, притягивать в направлении к началу³ сухожилия и связки, соединенные с членами, расслаблять их или же растягивать в длину, располагая их в направлении, противоположном к началу.

Что касается воспринимающей силы, то она делится на силу, воспринимающую извне, и силу, воспринимающую изнутри.

Сила, воспринимающая извне, — это пять или восемь чувств, а именно следующие.

Зрение — это расположенная в полном нерве сила, которая воспринимает запечатлевающуюся в льдообразной влаге⁴ форму тела, имеющего цвет, передаваемый через актуально прозрачные тела к поверхностям гладких тел.

Слух — это сила, расположенная в нерве, который рассеян по поверхности слухового канала; эта сила воспринимает такую форму, которая передается через колебания воздуха, сильно сжатого между ударяющим телом и телом, испытывающим удар и сопротивляющимся этому, отчего возникает звук. Колебание это доходит до заключенного в слуховом канале застоялого воздуха и приводит его в такое же колебательное движение; волны этого движения приходят в соприкосновение с нервом, и тогда мы слышим звук.

Обоняние — это сила, которая расположена в двух соскообразных отростках передней части мозга и воспринимает передаваемый ему вытягиваемым в нос воздухом запах, имеющийся в примешанном к воздуху пару, или запах, запечатленный в воздухе благодаря изменению последнего под воздействием того или иного пахучего тела.

Вкус — это сила, расположенная в нерве, который стелится по языку; эта сила воспринимает растворяющийся вкус тел, который соприкасается с языком и примешивается к приятной жидкости, содержащей в себе преобразующую смесь.

Осязание—это расположенная в нервах кожи и мускулов всего тела сила, которая воспринимает все то, что соприкасается

³ Под «началом» движения здесь подразумеваются сочленения, находящиеся в относительно неподвижном состоянии (ср. *Аристотель*, *О душе*, III, 10, 433 Б 25).

⁴ Имеется в виду хрусталик.

с телом, и оказывает на него воздействие благодаря противоположностям, преобразующим смесь или состав. По мнению некоторых, эта сила есть не последний вид, а скорее род для четырех сил, рассеянных по коже всего тела. Одна из этих сил различает противоположность теплого и холодного, вторая — противоположность влажного и сухого, третья — противоположность твердого и мягкого, четвертая — противоположность шероховатого и гладкого. Только то обстоятельство, что они собраны в одном органе, внушает мысль о единстве их сущности.

Формы всех чувственно воспринимаемых вещей доходят до органов чувств и запечатлеваются в них, и тогда они воспринимаются ощущающей силой. Это почти очевидно в отношении осязания, вкуса, обоняния и слуха. Что же касается зрения, то здесь высказывался другой взгляд, ибо некоторые полагают,

будто из глаза исходит нечто такое, что встречается с видимым предметом и принимает его форму во вне, что как раз будто бы и составляет зрительное восприятие⁵. То, что, по их мнению, исходит из глаза, они часто называют излучением.

Что же касается людей, исследовавших это явление, то они утверждают, что тело, актуально прозрачное, то есть лишенное цвета, занимает пространство между глазом и видимым предметом, а внешняя форма имеющего цвет тела, на которое падает свет, передается зрачку (и зрение, таким образом, воспринимает ее) подобно тому, как цвет передается благодаря свету, когда свет отражается от имеющей цвет вещи и придает ее окраску некоторому другому телу. Но между тем и другим случаем имеется и различие, ибо в первом случае мы имеем дело с чем-то таким, что больше похоже на образ в зеркале.

Необоснованность первого взгляда очевидна вот почему. То, что исходит, может быть либо телом, либо не телом. Если это не тело, то нелепо приписывать ему движение и перемещение. О движении и перемещении того, что исходит из глаза, в этом случае можно говорить лишь в том смысле, что в глазу может существовать такая сила, которая преобразует воздух или еще какие-нибудь встречающиеся вещи в какое-то качество так, что можно было бы сказать: «Данное качество исходит из глаза». Равным образом нелепо утверждать, что это есть тело, поскольку либо оно, исходя из глаза, беспрепятственно доходило бы до сферы неподвижных звезд — но тогда из глаза, несмотря на его малую величину, исходило бы соответствующих размеров коническое тело, которое сжало бы воздух и вытеснило бы и его, и все небесные тела, — либо оно проникло бы в пустоту. Однако оба эти предположения явно нелепы. Ибо или исходя-

⁵ Здесь подвергается критике взгляд Платона на природу зрения.

цее из глаза тело расчленилось, рассеялось и распалось бы на части, но в этом случае воспринимающее животное должно было бы почувствовать, что нечто расчленилось, рассеялось и распалось на части; равным образом оно воспринимало бы лишь те участки, на которые падает луч, не воспринимая тех, на которые он не падает, так что оно воспринимало бы тело лишь частично, воспринимая то тут, то там отдельные точки и не узревая его основной части; или же исходящее из глаза тело было бы соединено с воздухом и небесной сферой и составляло бы с ними нечто единое, подобное единому органу животного — но в таком случае это единое целое было бы способно к чувственному восприятию. Однако такое действие также весьма странно. Ведь из этого с необходимостью следовало бы, что если бы зрительное восприятие осуществлялось сразу множеством глаз, то оно было бы более сильным, и человек в сообществе с другими людьми обладал бы более острым зрением, чем будучи один, поскольку множество людей могло бы вызывать более основательное действие, чем один человек. Далее, это исходящее из глаза тело должно было бы быть либо чем-то простым, либо чем-то сложным и имеющим особую смесь. И его движение должно было бы быть либо произвольным, либо естественным. Но мы знаем, что это движение совершается не произвольно и не по выбору, хотя веки открываются и закрываются произвольно. Остается признать лишь, что это движение — естественное. Но ведь простое естественное движение бывает лишь в одном направлении, а отнюдь не во многих направлениях. Равным образом и сложное движение в зависимости от того, какой элемент преобладает в движущемся теле, бывает лишь в одном направлении, а отнюдь не во многих направлениях. Совсем иначе обстоит дело с движением по мнению тех, (кто считает, будто из глаза что-то исходит).

Далее, если бы чувственно воспринимаемое было видимо со стороны соприкасающегося с ним основания конического тела, а не через угол, то из этого с необходимостью следовало бы, что очертания и величина предмета, воспринимаемого издали, воспринимались бы так же, как его цвет, поскольку то, что воспринимает, встречается с ним и объемлет его. Но если оно воспринимается через угол — я имею в виду то, что заключено между льдообразной влагой и воображаемым конусом, — то, чем дальше будет находиться предмет, тем меньше будет угол, равно как и то, что заключено между льдообразной влагой и воображаемым конусом; следовательно, запечатлевающаяся форма будет также меньше и восприниматься она будет как меньшая. Иногда этот угол может быть столь малым, что предмет окажется вовсе недоступным для чувственного воспринимания и форма будет вовсе невидимой.

Что же касается второго предположения, то есть что исходящая вещь является не телом, а некоторой акциденцией или некоторым качеством, то упомянутое действие или претерпевание будет неизбежно усиливаться вместе с увеличением числа людей. Но в этом случае мы будем иметь дело с той же нелепостью, о которой говорилось выше.

Далее, воздух будет либо средой для передачи, либо тем, что само воспринимает. Если он есть лишь среда для передачи, а не само воспринимающее, то, как мы утверждаем, восприятие происходит именно в зрачке, а не вне него. Но если бы воспринимающим был воздух, то мы столкнулись бы с той же нелепостью, о которой говорилось раньше. Кроме того, из этого бы следовало, что всякий раз, когда в воздухе дули бы ветры и происходили бы колебания, вид искажался бы с каждым новым изменением и с каждым новым восприятием, так же как это бывает, когда человек бежит при отсутствии ветра и мелкие предметы он воспринимает неотчетливо.

Таким образом, зрение не зависит от того, что что-то исходит от нас в направлении к чувственно воспринимаемому предмету. Следовательно, мы видим потому, что что-то поступает к нам от чувственно воспринимаемого предмета, а поскольку оно не есть тело предмета, то, значит, оно его образ. Если бы это мнение не заключало в себе истины, то создание глаза со всеми его слоями и смесями и соответствующими им очертаниями и строением было бы бесполезным.

Раздел о внутренних чувствах

Что же касается сил, воспринимающих изнутри, то одни из них воспринимают формы чувственных вещей, а другие — идеи чувственных вещей. Из воспринимающих сил одни воспринимают и действуют, а другие воспринимают, но не действуют. Одни из них воспринимают первичным образом, а другие — вторичным.

Разница между восприятием формы и восприятием идеи состоит в том, что форма воспринимается одновременно и внутренним чувством и внешним; только сначала она воспринимается внешним чувством, которое затем передает ее внутреннему чувству, как, например, когда овца воспринимает форму волка, то есть его очертания, внешний вид и цвет: форма волка воспринимается внутренним чувством овцы, только вначале она воспринимается ее внешним чувством. Идея же воспринимается от чувственной вещи душой без того, чтобы она воспринималась предварительно внешним чувством, как, например, когда овца без того, чтобы воспринять внешним чувством, воспринимает

идею враждебности в волке, или идею, заставляющую ее бояться волка и бежать от него. Таким образом, то, что воспринимается от волка сначала внешним чувством, а затем — внутренней силой, именуется формой, а то, что воспринимается внутренней силой, без того, чтобы это воспринималось внешним чувством, называется идеей.

Разница же между восприятием, сопровождаемым действием, и восприятием, не сопровождаемым действием, состоит в том, что действия некоторых внутренних сил необходимо заключаются в сочетании воспринимаемых форм и идей друг с другом и в их разъединении, так что после того, как эти внутренние силы воспринимают, они еще и действуют в том, что восприняли. Восприятие же, не сопровождаемое действием, заключается в том, что формы и идеи лишь запечатлеваются в органе чувства, а о чувстве нельзя сказать, что оно сочетает и разъединяет произвольным образом.

Разница между первичным восприятием и вторичным восприятием состоит в том, что первичное восприятие определенным образом принимает непосредственно самую форму. Вторичное же восприятие принимает форму вещи через посредство чего-то другого, что передает ей эту форму.

К числу внутренних животных воспринимающих, сил принадлежит сила фантазии, или общее чувство, — это расположенная в переднем желудочке мозга сила, которая самостоятельно принимает все формы, запечатлевающиеся в пяти чувствах и передающиеся ими этой силе.

Далее следует сила представления, также расположенная в конце переднего желудочка мозга; это сила, которая сохраняет то, что общее чувство получает от пяти частных чувств и что сохраняется в нем даже после исчезновения чувственно воспринимаемого предмета.

Знай: форму принимает иная сила, нежели та, благодаря которой имеет место упомянутое сохранение. Рассмотрим это на примере воды: вода обладает способностью принимать отпечаток, след и вообще очертания, но она не имеет способности сохранять их.

Далее идет сила, которую применительно к животной душе называют воображающей, а применительно к человеческой душе — мыслительной. Это расположенная в среднем желудочке мозга, близ червеобразного отростка, сила, которой свойственно произвольно сочетать и разъединять вещи в представлении.

Далее идет сила догадки. Расположенная в конце среднего желудочка мозга, эта сила воспринимает не воспринимаемые чувством идеи, существующие в единичных чувственных предметах. Примером может служить существующая в овце сила,

которая судит о том, что от *этого* волка следует бежать, а к *этому* ягненку можно приласкаться.

Далее идет сохраняющая и вспоминающая сила. Расположенная в заднем желудочке мозга, эта сила сохраняет те невоспринимаемые чувством идеи в единичных чувственных предметах, кои воспринимаются силой догадки. Отношение сохраняющей силы к силе догадки такое же, как отношение силы, называемой представлением, к общему чувству, а отношение силы догадки к идеям такое же, как отношение силы, называемой воображением, к чувственно воспринимаемым формам.

Таковы силы животной души. Одни животные обладают всеми пятью чувствами, а другие лишь некоторыми из них. Вкус и осязание необходимо присущи каждому животному, однако есть такие животные, из которых одни не обладают обонянием, другие — слухом, третьи — зрением.

Раздел о разумной душе

Что же касается разумной, человеческой души, то она делится на практическую силу и умозрительную силу. Каждая из этих сил называется разумом по общности имени.

Практическая сила является началом движения человеческого тела, побуждающим его совершать единичные осмысленные, соответствующие тем или иным намерениям действия. Она имеет известную связь с животной вожделеющей силой, с животной воображающей силой и силой догадки и сама обладает двойственной природой. Ее связь с животной вожделеющей силой заключается в том, что в ней возникают свойственные человеку состояния, благодаря которым он расположен быстро действовать и претерпевать действие, как это, например, бывает со стыдом, застенчивостью, смехом, плачем и тому подобным. Ее связь с животной воображающей силой и силой догадки заключается в том, что она использует их, будучи занята рассмотрением порядка в возникающих и уничтожающихся вещах, а также изучением человеческих искусств. Ее двойственная природа заключается в том, что между практическим разумом и умозрительным разумом рождаются мнения, которые связаны с действиями и становятся распространенными и широко известными, как, например, то, что ложь и притеснение постыдны, и тому подобные исходные послышки, кои в книгах по логике отчетливо отграничиваются от первых начал разума.

Эта практическая сила необходимо господствует над остальными силами тела сообразно с предписаниями другой силы, о которой речь будет идти ниже, дабы она совершенно не подвергалась действиям этих сил, а чтобы, напротив, эти силы

подвергались ее действиям и подавлялись, чтобы тело не вызывало в практической силе возникающие под воздействием природных вещей страдательные состояния, которые называются дурными нравственными качествами; необходимо, чтобы она вообще не подвергалась действиям и не была подчиненной, а чтобы, напротив, она господствовала над другими телесными силами и имела добродетельные нравственные качества.

Не исключено, что нравственные качества будут приписываться также и телесным силам; однако если последние возобладают, то они будут иметь некое деятельное состояние, а практический разум — страдательное. Таким образом, одно и то же будет источником нравственных качеств как для практического разума, так и для телесных сил. Но если телесные силы будут побеждены, то у них будет некоторое страдательное состояние, между тем как у практического разума будет деятельное состояние; так что мы будем иметь два состояния и два нравственных качества или же будет одно нравственное качество, но оно будет иметь двоякое отношение. Имеющиеся у нас нравственные качества приписываются практической силе потому, что человеческая душа, как это выяснится ниже, есть единая субстанция, имеющая отношение к двум сторонам: одна сторона — это то, что выше нее, другая — то, что ниже нее⁶. Для каждой из этих сторон человеческая душа имеет известную силу, посредством которой устанавливается связь между ней и этой стороной. Так что практическая сила имеется у души для связи с тем, что ниже нее, то есть с телом, и для управления им. Умозрительная же сила имеется у души для связи с тем, что выше нее и от чего она принимает умопостижимое. Итак, у нашей души имеется как бы два лица: одно лицо, обращенное к телу; необходимо, чтобы это лицо совершенно не поддавалось тому или иному воздействию, обусловленному природой тела, и другое лицо, обращенное к высшим началам; необходимо, чтобы это лицо получало от них и испытывало их воздействие. Вот то, что касается практической силы.

Раздел об умозрительной силе и ее степенях

Что касается умозрительной силы, то ей свойственно получать впечатления от всеобщих, отвлеченных от материи форм. Если последние будут отвлеченными сами по себе, то она будет просто принимать их; а если нет, то она будет их абстрагировать, дабы у них не оставалось никакой связи с материей. Но

⁶ «В том, что ниже души, рождаются нравственные качества, а в том, что выше — знания» (*Ибн-Сина*, 6-е рассуждение из раздела «Физика», «Книга исцеления», Прага, 1956, стр. 48. На арабском языке).

как это делается, мы объясним позже. К указанным формам эта умозрительная сила имеет разные отношения, поскольку то, чему свойственно принимать что-то, принимает его иногда потенциально, а иногда актуально.

«Потенция» же говорится как о «предшествующем» и «последующем» в трех смыслах. Потенцией называется предрасположение вообще, в силу которого ничто не становится актуальным и не возникает ничего такого, благодаря чему что-либо могло бы стать актуальным, как, например, способность ребенка писать. Потенцией называется, далее, это же предрасположение, когда для данного предмета реализуется только то, в силу чего он может достигнуть актуального состояния без чего-то посредствующего, как, например, способность к письму у отрока, который уже подрос, познакомился с чернилами, калемом⁷ и значениями букв. Потенцией, (наконец), называется это предрасположение, когда оно получило завершение благодаря орудию. В этом случае вместе с орудием возникает совершенство предрасположения таким образом, что оно может перейти в актуальное состояние когда угодно, при этом действующий не нуждается в приобретении — для этого бывает достаточно одного лишь его желания, — как, например, способность искусного писца, когда он не пишет. Первая потенция называется потенцией вообще, или материальной потенцией. Вторая потенция называется возможной потенцией. Третья потенция называется опытом. Иногда вторую называют опытом, а третью — завершением потенции.

Так что отношение умозрительной силы к упомянутым нами отвлеченным формам может носить характер потенции вообще, когда эта сила имеется у души, но еще не получила ничего из потенциально принадлежащей душе завершенности. В этом случае она называется материальным разумом. Эта сила, называемая материальным разумом, существует у каждого индивида, а материальной ее называют лишь потому, что она подобна предрасположенности первой материи, которая, будучи субстратом всякой формы, обладает той или иной формой не сама по себе. Указанное отношение может носить характер возможной потенции. А именно тогда, когда в умозрительной силе уже имеются первые предметы разумного восприятия, от которых и посредством которых доходят до вторых предметов разумного восприятия. При этом под первыми предметами разумного восприятия я подразумеваю исходные посылки, кои принимаются не путем приобретения (извне) и не **так**, чтобы принимающий отдавал себе отчет в том, что ему хоть в какой-то момент можно было бы воздержаться от их принятия; таково, например, наше

⁷ Калем — тростниковое перо.

убеждение в том, что целое больше части и что вещи, равные одной и той же вещи, равны между собой. Пока материальный разум на пути к переходу в актуальное состояние не имеет ничего, кроме этой потенции, он называется обладающим разумом. По сравнению с первой потенцией он может быть назван также разумом в актуальном состоянии, ибо первая потенция не может актуально познавать вещь, в то время как обладающий разум познает, начиная исследовать в актуальном состоянии. Отношение умозрительной силы к отвлеченным формам может носить характер завершенной потенциальности. А именно тогда, когда после первых умопостигаемых форм приобретаются и вторые умопостигаемые формы, хотя обладающий разум не рассматривает их и не возвращается к ним актуально, а скорее они как бы хранятся в нем, так что он при желании рассматривает эти формы актуально, осмысливая их и осмысливая то, что они уже им осмыслены. Называется он разумом в актуальном состоянии потому, что он познает, когда хочет, не затрудняя себя приобретением (извне), хотя его можно было бы назвать и разумом в потенциальном состоянии по сравнению с (разумом), следующим за ним. Отношение умозрительной силы к отвлеченным формам может носить характер актуальности вообще, а именно тогда, когда умопостигаемая форма присутствует в разуме, а последний актуально рассматривает ее и актуально осмысливает ее, осмысливая также и то, что он актуально осмысливает ее, и тогда получается то, что называется приобретенным разумом. Приобретенным же разумом он называется лишь потому, что, как мы это выясним позже, разум в потенциальном состоянии переходит в актуальное состояние только благодаря некоему разуму, находящемуся всегда в актуальном состоянии, и когда разум в потенциальном состоянии определенным образом соединяется с этим, находящимся в актуальном состоянии, разумом, в нем актуально запечатлевается определенный вид форм, приобретаемых от того разума, так что эти формы оказываются приобретенными извне.

Таковы степени сил, называемых умозрительным разумом. Приобретенный разум венчает род живых существ и входящий в этот род человеческий вид. И в приобретенном разуме человеческая потенция уже уподобляется первым началам всего сущего.

Раздел о путях приобретения знаний разумной душой

Знай же: приобретение знаний бывает разной степени, независимо от того, черпает ли их познающий у кого-то другого или у самого себя. Некоторые приобретающие знание люди

находятся ближе других к представлению, ибо их способность⁸, предшествующая упомянутой нами способности⁹, оказывается более сильной. Если такие люди могут совершенствоваться сами по себе, то эта сильная способность называется проницательностью. У некоторых людей эта способность может быть настолько сильна, что для соединения с деятельным разумом им не требуется прилагать особенно больших усилий в приведении (своей способности) в актуальное состояние и в обучении. Первая способность такого человека настолько сильна, что о нем можно было бы также сказать, что он обладает второй способностью: кажется, будто он все познает сам по себе. Это высшая степень такой способности. В данном состоянии материальный разум должен быть назван непогрешимым разумом. Он принадлежит к роду обладающего разумом, но он столь возвышен, что быть наделенным им дано не каждому человеку. Вполне вероятно, что некоторые из действий, приписываемых непогрешимому духу из-за их сильной и возвышенной природы, изливаются в воображение, которое представляет их себе в виде чувственно воспринимаемых образов и слышимых слов.

Доказательством же тому служит то очевидное положение, что предметы разумного восприятия приобретаются лишь в том случае, если получен средний термин силлогизма. А этот средний термин можно получить двумя способами: иногда благодаря проницательности, представляющей собой такое действие разума, посредством которого средний термин постигается сразу самим разумом. Эта сила проницательности заключается в сообразительности. Иногда же средний термин приобретается благодаря обучению, а начала обучения сами приобретаются благодаря проницательности, ибо всякое знание может быть сведено в конечном счете к постигаемым благодаря проницательности началам, которые те, кто приобрел их впервые, сообщили обучающимся. Но человек может благодаря своей собственной проницательности обнаружить истину, и силлогизм может быть построен в его голове без помощи какого бы то ни было наставника. Причем это происходит по-разному как в отношении количества, так и в отношении качества: в отношении количества — потому, что некоторые люди обладают большим числом средних терминов, найденных ими благодаря своей проницательности; в отношении качества — потому, что у некоторых людей благодаря проницательности познание занимает меньше времени, чем у других. Поскольку эти различия неограничены и всегда бывают разной степени таким образом, что на

⁸ Имеется в виду способность к приобретению «вторых умопостигаемых форм».

⁹ Приобретенному разуму.

низшей ступени оказываются те, кто совершенно лишен пронизательности, то, значит, и высшую ступень необходимо занимают люди, обладающие пронизательностью во всех или большинстве вопросов, или же те, у кого благодаря пронизательности познание занимает наикратчайшее время.

Таким образом, среди людей может оказаться человек, чья душа имеет такую чистоту и так тесно связана с началами разума, что он будет воспламеняться наитием от деятельного разума, имеющего связь со всем. Таким именно образом формы всего, что содержится в деятельном разуме, отображаются в душе этого человека сразу и почти сразу, и он принимает их, опираясь не на установившиеся убеждения, а на определенную систему, объемлющую все средние термины. Ибо установившиеся убеждения относительно того, что познается через его причины, не удостоверяются разумом. А эта способность есть определенный вид пророчества, даже высшая форма пророческой способности, и она более всего достойна названия непогрешимой способности. Это высшая человеческая способность.

Раздел о степенях сил с точки зрения главенствования и служения

А теперь рассмотри и изучи, как обстоит дело с этими силами: как они главенствуют друг над другом и как они служат друг другу, и ты обнаружишь, что приобретенный разум главенствует (над всеми), что все остальные разумы служат именно ему и что он — конечная цель. Далее, деятельному разуму служит обладающий разум, а материальный разум через имеющееся в нем предрасположение служит обладающему разуму. Далее, практический разум служит всем этим перечисленным разумам, ибо связь с телом, как это потом выяснится, осуществляется посредством совершенствования и очищения умозрительного разума, в то время как практический разум управляет этой связью. Далее, практическому разуму служит сила догадки, а силе догадки — две силы: одна — находящаяся за ней, а другая — перед ней. Сила, находящаяся за ней, — это сила, которая сохраняет то, что передается этой силе силой догадки, то есть память; а сила, находящаяся перед ней, — это совокупность животных сил. Далее, силе представления служат две силы, различающиеся между собой по своему происхождению: вожделеющая сила служит ей побуждением, ибо она толкает ее определенным образом к движению; а сила воображения служит ей сочетанием и разъединением форм. Далее, эти две силы главенствуют в двух рядах. Что касается силы воображения, то ей служит фантазия, или общее чувство, а фантазии

служат пять чувств. Что же касается вожделеющей силы, то ей служат страсть и гнев, а страсти и гневу служит двигательная сила в мускулах. Итак, с животными силами мы покончили.

Далее, животным силам в их совокупности служат растительные силы, из коих первой и главной является сила размножения. Далее, силе размножения служит сила роста. Далее, обеим им служит питательная сила. Им служат, далее, естественные силы, из коих пищеварительной служит, с одной стороны, захватывающая, а с другой стороны, притягивающая, и всем им служит отталкивающая сила. Затем, всему этому служат четыре природные качества, причем теплу служит холод, а тому и другому служат сухость и влажность. Итак, со степенями сил мы покончили.

Раздел о различиях, существующих между чувством, воображением, догадкой и разумным восприятием

Всякое восприятие есть, видимо, не что иное, как определенный вид принятия формы воспринимаемого предмета. Если восприятие есть восприятие какой-либо материальной вещи, то оно заключается в принятии ее формы, так или иначе отвлеченной от материи. Но отвлечение бывает разных видов и разной степени: у материальной формы благодаря материи бывают положения и состояния, свойственные ей не самой по себе как данной форме. Отвлечение от материи иногда бывает отвлечением со всеми материальными связями или с некоторыми из них; иногда же отвлечение бывает полным отвлечением— это когда форма отвлекается и от материи, и от тех атрибутов, кои имеются у материи. Например, человеческая форма или суть бытия человека составляет определенную природу, несомненно, общую для всех индивидов, а по определению своему она есть нечто единое, что акцидентально имеется в том или ином индивиде, и оказывается, таким образом, чем-то множественным, но множественность эта не определяется человеческой природой. Если бы человеческой природе было свойственно быть необходимо множественной, то не существовало бы «человека» как сказуемого для единого по числу. Если бы «человечность» как таковая существовала в Зейде, то ее не было бы в Амре. Таким образом, одна из определяемых материей акциденций «человечности» заключается в указанной акцидентальной множественности и делимости. Кроме того, у «человечности» имеются и иные акциденции, а именно тогда, когда она наличествует в какой-нибудь материи, имея известное количество, ка-

чество, место и положение. Но все это чуждо природе человека, так как если бы человечность как таковая обладала этим или любым другим количеством, качеством, местом и положением, то эти понятия необходимо должны были бы быть общими как для данного, так и для каждого другого человека. Таким образом, человеческая форма сама по себе не требует, чтобы с ней было связано нечто из имеющихся у нее атрибутов: ее атрибуты определяются материей, так как они оказываются уже связанными с той материей, с которой соединена человеческая форма. Чувство берет от материи форму вместе с материальными атрибутами и связями, и когда связь с материей исчезает, прекращается и это принятие. Ибо чувство не может отвлекать форму от материи так, чтобы она была полностью лишена материальных атрибутов, равным образом оно не может удерживать эту форму при отсутствии материи.

Что касается представления, то оно основательно освобождает от материи отвлекаемую форму, ибо оно берет ее из материи так, что форма, существуя в представлении, не нуждается для этого в материи, так как, если бы материя даже и скрылась от чувства или совсем исчезла, форма была бы устойчива в своем существовании в представлении.

Но это еще не значит, что представление отвлекает форму от атрибутов материи. Чувство отвлекает ее от материи неполностью и (вовсе) не отвлекает ее от атрибутов материи. Что же касается представления, то оно хотя уже полностью отвлекает ее от материи, но отнюдь не отвлекает ее от атрибутов материи, ибо имеющаяся в представлении форма соответствует данной чувственной форме и определенному количеству и положению. Форма никоим образом не может пребывать в представлении так, чтобы она могла быть общей для всех индивидов. Так, человека представляют себе как одного из людей, но вполне возможно, что есть люди, которых можно было бы представить себе существующими не в таком виде, в каком представляют себе данного человека.

Что же касается догадки, то она может несколько превысить эту степень отвлечения, ибо сила эта принимает идеи, кои сами по себе не материальны, хотя они и пребывают акцидентально в материи — и это потому, что очертания, цвет, положение и тому подобное суть то, что присуще лишь материи. А что касается добра и зла, дружелюбности и недружелюбности и тому подобного, то они сами по себе не материальны, хотя акцидентально и могут пребывать в материи. Доказательством же их нематериальности служит то, что если бы они были материальными в своей сущности, то добро или зло, дружелюбность или недружелюбность воспринимались бы разумом лишь как то, что бывает в теле. Но они и им подобное могут быть

воспринимаемы разумом сами по себе, отдельно от материи. Ясно, что все они сами по себе не материальны, хотя акцидентально они и пребывают в материи. Именно нечто подобное и воспринимает догадка.

Таким образом, сила догадки может воспринимать нечто нематериальное, беря его от материи. Это отвлечение, стало быть, глубже и совершеннее, чем два предыдущих отвлечения. Вместе с тем сила догадки, так же как сила представления, не отвлекает ту или иную форму от атрибутов материи, ибо она берет эту форму как нечто единичное сообразно и в соответствии с материей и с ее связью с чувственной формой, определяемой атрибутами материи.

Что касается силы, в коей находятся устоявшиеся формы¹⁰ — либо формы того сущего, что совершенно не материально и что не пребывает акцидентально в материи, либо формы того сущего, что материально, но во всех отношениях освобождено от связей с материей, — то ясно, что она воспринимает формы, беря их полностью, во всех отношениях отвлеченными от материи. Что касается того, что свободно от материи само по себе, то здесь все ясно. А что касается того, что существует в материи либо потому, что его существование материально, либо потому, что это бывает с ним акцидентально, то упомянутая сила отвлекает его не только от материи, но и от ее атрибутов, беря его столь отвлеченным, что оно становится подобным «человеку», который сказывается о многих людях, так что эта сила берет множественное как нечто единое и отделяет его от всякого материального «сколько», «как», «где» и положения. Если бы она не отвлекала «человека» от всего этого, то он не сказывался бы обо всех людях. Вот чем отличаются друг от друга восприятие того, что руководствуется чувством, восприятие того, что руководствуется воображением, восприятие того, что руководствуется догадкой, и восприятие того, что руководствуется разумом. В этом суть нашего рассуждения в настоящем разделе.

Раздел о том, что ничто единичное не воспринимается как отвлеченное и ничто всеобщее — как материальное

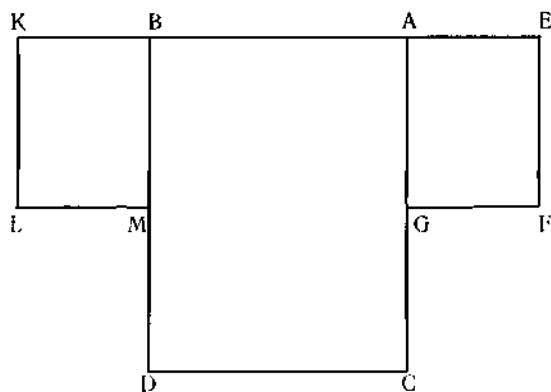
Всякое восприятие единичного происходит посредством телесного органа. Что касается силы, воспринимающей единичные формы (как, например, обстоит дело с внешними чувствами, кои воспринимают их не совсем свободными и отвлеченными от материи и вовсе не отвлеченными от ее атрибутов), то с ней все очень легко и понятно. Ибо эти формы восприни-

¹⁰ Речь идет о разумной силе.

маются лишь тогда, когда имеется налицо их материя и когда одно какое-нибудь тело наличествует лишь для другого тела, не будучи наличным для чего-либо не телесного. Это тело не относится к нематериальной силе как нечто присутствующее или отсутствующее, так как вещь, занимающая место, не может так относиться к чему-либо, не занимающему места. Наличия не может быть, если нет определенного положения, близости или удаленности наличествующей вещи в отношении того, для чего она является наличной. Если наличная вещь есть тело, то таковым она может быть лишь в том случае, если то, для чего она налична, либо само есть тело, либо находится в теле. Что же касается силы, воспринимающей единичные формы полностью отвлеченными от материи, но отнюдь не отвлеченными от материальных связей, то таковой является представление. Ибо сила представления не может воспринимать, не запечатлевая в теле представляемых форм таким образом, чтобы один отпечаток был общим для нее и для тела. Предположим, что форма, запечатленная в силе представления, есть форма Зейда, точно соответствующая его очертаниям, внешнему облику и взаиморасположению его органов. Тогда мы утверждаем, что части и стороны его органов должны быть запечатлены в некоем теле и что стороны и части его формы должны совпадать со сторонами и частями этого тела.

А теперь вместо формы Зейда возьмем в качестве примера форму прямоугольника $ABDC$, имеющего определенную величину, положение, качество и известное число углов (см.стр.236). Предположим, далее, что к его углам A и B примыкают два других прямоугольника, равных между собой, и что, хотя они расположены по левую и правую сторону $ABDC$, их формы тождественны. Но совокупность этих фигур запечатлевается в воображении как единая единичная форма. Далее, прямоугольник $BKLM$ по числу отличается от прямоугольника $EAGF$ и в воображении находится слева от него, отличаясь от него своим положением. Его отличие от другого прямоугольника может быть приписано либо форме прямоугольности или иной какой-нибудь свойственной прямоугольности акциденции, либо материи, в которой запечатлелась эта форма. Однако форме прямоугольности это отличие не может быть приписываемо, ибо мы уже предположили, что они имеют одинаковую фигуру и равны между собой. Точно так же оно не может быть приписываемо какой-либо акциденции, свойственной прямоугольнику $BKLM$, ибо, во-первых, чтобы вообразить его находящимся с левой стороны, нам незачем думать, что он имеет особую акциденцию, не принадлежащую и другой фигуре; во-вторых, эта акциденция принадлежит воображаемой фигуре либо сама по себе, либо по отношению к фигуре, существующей вовне, так, словно она есть

фигура, отвлеченная от внешней существующей вещи, находящейся в данном состоянии, или она принадлежит воображаемой фигуре по отношению либо к воспринимающей силе, либо к ее материальному субстрату.

Это отличие не может быть какой-нибудь из акциденций, свойственных самому прямоугольнику *BKLM*, так как в этом случае оно было бы либо необходимой, либо преходящей акциденцией. Оно не может иметь необходимой связи с его сущностью по двум причинам. Если бы оно было неотделимо от самого этого прямоугольника, то оно было бы также неотделимо и от другой относящейся к данному виду фигуры, поскольку оба прямоугольника, согласно предположению, одинаково принадлежат к одному и тому же виду, так что один из них не может иметь какую-либо постоянную акциденцию без того, чтобы ее не имел также и другой. Далее, если воображаемый прямоугольник находится в неделимой силе, он не может иметь какую-либо акциденцию без того, чтобы ее не имел также и другой, совершенно равный ему, прямоугольник, когда субстратом их служит неделимое целое, то есть воспринимающая сила.

Равным образом это отличие не может быть и преходящей акциденцией, ибо, когда такая акциденция исчезает, форма фигуры в воображении должна претерпеть соответствующее изменение. Воображение не воображает это отличие путем привнесения его, оно воображает его таким, каково оно есть само по себе. Вот почему нельзя говорить, что воображение привнесло в прямоугольник данное состояние, как это можно сказать относительно того же прямоугольника, когда он оказывается предметом разумного восприятия, а не воображения. Ибо здесь остается открытым тот же вопрос: как воображающий мог вообразить его в таком состоянии, что он оказался отличным от другого, и посредством чего он сделал так, что

смог предположить один прямоугольник таким образом, а другой — иначе? В случае со всеобщим прямоугольником это удастся сделать благодаря чему-то, привносимому в него разумом, а именно благодаря понятию «правое» и «левое». Такое понятие правильно лишь в отношении всеобщего, умопостигаемого. Но в отношении единичного именно это понятие, а не другое, может быть найдено лишь благодаря способности некоторой силы, коей и объясняется привнесение именно этого, а не другого особого понятия. Воображение сразу предполагает это отличие таким, не привнося в него некоторого условия. Таким образом, воображение воображает эту фигуру как левую, а ту — как правую лишь после того, как в ту или иную фигуру было привнесено определенное условие. Там¹¹ понятие правого и левого может быть привнесено в прямоугольник (к которому не свойственна подобная акциденция) так, как одно всеобщее понятие сочетается с другим. Здесь же¹², если прямоугольнику не свойственно единичное и определенное положение, то в него уж нельзя будет потом привнести какое-либо понятие. Не воображение наделяет его здесь данным частным положением, а, наоборот, наличие этого положения делает возможным такое воображение. Воображению вообще не свойственно понятие, ибо понятие есть нечто всеобщее, — так как же оно может привнести в прямоугольник понятие? Таким образом, доказана ложность того, что определенное положение прямоугольника зависит от некоторой необходимой или не необходимой, или воображаемой акциденции.

Далее, мы утверждаем, что указанное выше отличие не может существовать в воображаемом прямоугольнике, соотношенном с существующим предметом. Ибо часто воображают то, что не имеет (реального) существования, а к тому, что не существует, какого-либо отношения, подобного этому, быть не может. Далее, если один из воображаемых прямоугольников имеет одно отношение к телу, а другой — другое, то этого не может быть, если их субстрат есть нечто неделимое, ибо ни один из них не может быть в большей мере, чем другой, соотношен с одним из (реально) существующих прямоугольников, разве только в том случае, когда один из них имеет особое отношение к этому телу, а другой — нет. Тогда субстрат одного прямоугольника оказывается отличным от субстрата другого прямоугольника, и воображающая сила становится делимой не сама по себе, а из-за делимости того, в чем она находится, а раз так, то, значит, мы имеем дело с телесной силой и форма оказывается отображенной в теле.

¹¹ То есть в сфере действия разума.

¹² То есть в сфере действия воображения.

Таким образом, неверно, будто два воображаемых прямоугольника отличаются друг от друга в силу различия между двумя реально существующими прямоугольниками и по отношению к ним. Остается признать, что они отличаются либо в силу различия частей воспринимающей силы, либо в силу различия частей органа, посредством которого действует эта сила.

В любом из этих случаев мы приходим к выводу, что эта форма восприятия происходит через посредство материи тела. Если это относится к воспринимающей силе, то сила эта делима ввиду делимости ее материи. Если же это относится к телесному органу, то последний есть как раз то, что мы имеем в виду. Итак, выяснено: восприятие через воображение также происходит при посредстве тела.

Это объясняется и следующим. Воображаемая форма, как мы ее воображаем, — например, форма человека — иногда бывает больших размеров, а иногда меньших. Когда же эти большая и меньшая формы запечатлеваются, они должны запечатлеваться в одной и той же вещи, а не в ряде подобных друг другу вещей, ибо в последнем случае их различие в размере зависело бы либо от соответствующих им предметов, из коих они были приобретены, либо от приобретшей их силы, либо же от самих этих двух форм. Но от предметов, из которых они были взяты, оно зависеть не может, ибо многие воображаемые формы вообще не берутся из чего-либо. Равным образом, оно не может быть отнесено и к самим этим двум формам, ибо, если они совпадают друг с другом по своему определению и сути своего бытия, но отличаются друг от друга размером, то различие это не может быть отнесено к их сущности. Таким образом, оно должно зависеть от приемника, ибо форма запечатлевается иногда в большей его части, а иногда — в меньшей. Кроме того, мы не можем, (например), вообразить черноту и белизну находящимися вместе в одной и той же воображаемой фигуре, хотя мы можем вообразить их находящимися в разных ее частях. Если бы эти две части не отличались друг от друга своим положением и обе воображаемые формы запечатлевались бы в чем-то неделимом, то было бы все равно, какой из этих случаев¹³ невозможен, а какой возможен. Следовательно, эти две части отличаются друг от друга своим положением.

Если ты усвоил это в отношении воображения, значит это должно быть понятно тебе и в отношении силы догадки, воспринимающей свой предмет не иначе, как связанным с единичными формами воображения, как мы это разъяснили раньше.

¹³ Случай, когда чернота и белизна находятся вместе в одной и той же фигуре, и случай, когда они находятся в разных частях этой фигуры.

**Раздел, содержащий подробное рассуждение
об отвлеченности от материи той субстанции,
которая служит субстратом предметов
разумного восприятия**

Далее, мы утверждаем: сама субстанция, которая служит субстратом предметов разумного восприятия, не является ни телом, ни какой-то силой, существующей благодаря телу и находящейся в нем, ни формой этого тела.

Если бы субстрат предметов разумного восприятия был телом или какой-нибудь величиной, то это тело, которое служило бы субстратом форм, либо имело бы такую часть, которая не поддавалась бы делению, либо оно было бы чем-то делимым. Рассмотрим сначала, может ли подобный субстрат иметь такую часть, которая не поддавалась бы делению. Я говорю: это нелепо, ибо точка есть некоторая граница, и положение точки нельзя выделить из линии или какой-то другой величины, границей которой служит эта точка. Таким образом, если что-нибудь должно было запечатлеться в ней, то оно должно было бы запечатлеться и в части этой линии. Однако, если такая точка отдельно не существует, а составляет сущностную часть того, что само есть количество, то кто-нибудь может сказать: все, что находится в данной величине¹⁴, границей которой является точка, каким-то образом должно также находиться и в этой точке и, стало быть, акцидентально определяться ею количественно. Когда это бывает, запечатлевающееся остается также акцидентально ограниченным этой точкой. Если бы точка существовала отдельно и могла воспринимать что-то, то она была бы самостоятельно существующей вещью и имела бы две стороны: одну сторону — смежную с линией, из которой ее можно выделить, и другую сторону, противоположную линии. Она в таком случае существовала бы отдельно от линии, которая имела бы, несомненно, иную границу, нежели соприкасающаяся с ней точка, и тогда уже эта новая точка была бы границей линии, и все это повторялось бы до бесконечности. Из этого следовало бы, что линию образует конечное или бесконечное сочетание точек — положение, нелепость которого была уже доказана нами в другом месте. Отсюда ясно, что точки в своей совокупности не образуют линии. Ясно также, что точка не имеет никакого особого, выделяющего ее положения (в линии). Однако мы можем привести и часть тех доводов, кои были выдвинуты для доказательства нелепости этого положения.

И мы говорим: либо данная, определенная точка, расположенная между двумя другими точками, разделяет их таким

¹⁴ То есть в данной линии.

образом, что они не примыкают друг к другу, а если дело обстоит так, то из этого необходимо следует (согласно первым разумным посылкам), что каждую из этих двух точек обособляет определенная часть промежуточной точки, с которой каждая из них соприкасается, и тогда промежуточная точка оказывается делимой, что нелепо; либо же промежуточная точка не мешает двум крайним точкам соприкоснуться друг с другом, и тогда умопостигаемая форма имела бы во всех точках сразу, и все точки, проникая, согласно этому предположению, друг в друга, представляли бы собой как бы единую точку; но мы же предположили, что промежуточная точка существует отдельно от линии и, существуя отдельно от нее, имеет иную границу, нежели та точка, которой она отделена от линии; таким образом, точка, отделяющая линию от данной точки, имела бы положение, отличное от положения данной точки; но мы же предположили, что все точки имеют одно, общее всем им, положение, и мы, стало быть, впадаем в противоречие. Значит, положение, согласно которому субстратом предметов разумного восприятия является некая неделимая часть тела, ложно. Остается признать, что субстратом предметов разумного восприятия (если субстратом таковых является тело) служит нечто делимое.

Предположим теперь, что какая-нибудь умопостигаемая форма находится в чем-то делимом. В таком случае она сама была бы чем-то акцидентально делимым. И две части этой формы должны были бы быть либо подобными, либо не подобными друг другу. Если они подобны друг другу, то почему же их сочетание оказывается чем-то отличным от них? Это могло бы иметь место лишь в отношении величины или числа, а не в отношении формы. В таком случае умопостигаемая форма являлась бы некоторой фигурой или некоторым числом. Но ведь никакая умопостигаемая форма не является фигурой — иначе такая форма была бы предметом представления, а не разумного восприятия.

Еще яснее следующее доказательство. Нельзя утверждать, будто понятие каждой из двух частей тождественно понятию целого, ибо если бы одна часть не входила в понятие целого, то необходимо было бы, чтобы мы с самого начала понятие целого закрепляли за другой частью, а не за обеими частями. Но если она входит в понятие целого, то ясно и очевидно, что каждая из этих двух частей в отдельности не может полно выразить понятие целого.

Если же две части формы не подобны друг другу, то посмотрим, в каком смысле умопостигаемая форма может иметь не подобные части. Эти не подобные друг другу части могут быть лишь частями определения, то есть родами и видовыми различиями,

а из этого с необходимостью должны вытекать разные нелепости. Так, каждая часть тела потенциально делима до бесконечности, так что роды и видовые различия также должны были бы быть потенциально бесконечными. Но было установлено, что роды и сущностные видовые различия одной вещи не могут быть потенциально бесконечными. Далее, деление в воображении не устанавливает различия между родом и видовыми различиями; если бы существовали род и видовое различие, делающие необходимым различие в субстрате, то различие, конечно, не зависело бы от деления (их) в воображении. Из этого с необходимостью вытекало бы, что роды и видовые различия также и актуально бесконечны. Однако общепризнано, что роды и видовые различия, как части определения одной вещи, во всех отношениях конечны. Если бы они были актуально бесконечными, то они не могли бы вместе составить форму данного тела, ибо из этого с необходимостью следовало бы, что одно тело может быть актуально делимо на бесконечное множество частей.

Далее, пусть деление происходит таким образом, чтобы род оказался по одну сторону, а видовое различие — по другую. Если бы мы изменили способ деления, то на одной стороне оказались бы полрода и полразличия, а на другой — оставшиеся половины рода и различия. Или же род и видовое различие поменялись бы местами таким образом, что в нашем допущении или воображении расположение рода и видового различия оказалось бы обратным и каждый из них по чьей-то воле перемещался бы в любом направлении. Но и этим дело не кончается, ибо мы можем в каждом делении до бесконечности производить все новые и новые деления.

Далее, не все предметы разумного восприятия можно разделить на более простые, ибо существуют наипростейшие предметы разумного восприятия, кои служат началами для образования других таких предметов. Они не имеют ни родов, ни видовых различий, равным образом они не поддаются делению ни по количеству, ни по понятию. Стало быть, невозможно, чтобы воображаемые части умопостигаемой формы были не подобны друг другу, то есть чтобы каждая из них по понятию отличалась от целого и целое составлялось из их сочетания. Таким образом, если умопостигаемая форма неделима и не пребывает в неделимой части какой-то величины и если вместе с тем в нас должно существовать нечто такое, что воспринимало бы ее, то ясно, что субстратом предметов разумного восприятия является субстанция, которая не есть ни тело, ни телесная сила и которая не подвергается тому, чему подвергается тело, а именно делению, допущение которого приводит нас к нелепостям.

**Еще одно доказательство,
касающееся упомянутого предмета обсуждения**

Мы можем это доказать и с помощью других доводов. И мы говорим:

Именно разумная сила отвлекает предметы разумного восприятия от определенного количества, места, положения и всех прочих категорий. Мы должны рассмотреть самую умпостигаемую форму, отвлеченную от положения: каким образом она оказалась отвлеченной от него? Относится ли это отвлечение к тому, из чего она была взята, или же к тому, кто ее оттуда взял? Иными словами, отвлечен ли данный предмет разумного восприятия от положения в его внешнем существовании или же в существовании его как понятия в том, кто воспринимает разумом? Было бы нелепо, если бы он был отвлечен в своем внешнем существовании, так что остается признать, что он отвлекается от положения и места в разуме. Таким образом, когда умпостигаемая форма возникает в разуме, она не занимает какого-либо положения, на которое можно было бы указать, так, чтобы ее можно было бы делить, расчленять или подвергать еще какому-нибудь подобному действию. Поэтому она не может быть чем-то телесным.

Далее, когда единые, неделимые формы вещей, неделимых по понятию, запечатлеваются в какой-нибудь делимой материи, имеющей стороны, тогда или ни одна из предполагаемых частей не имеет никакого отношения к единому предмету разумного восприятия, неделимому и отвлеченному от материи, или каждая из предполагаемых частей имеет к нему отношение, или одни части имеют к нему отношение, а другие — нет. Если ни одна из этих частей не имеет к нему отношения, то и составленное из них целое не может, очевидно, иметь к нему какое-либо отношение. Если одни части имеют к нему отношение, а другие — нет, то те части, кои не имеют никакого отношения к этому предмету разумного восприятия, вообще не входят в его понятие. Но если каждая предполагаемая часть имеет к нему отношение, то она относится либо ко всему этому предмету разумного восприятия, либо к его части. Если каждая предполагаемая часть материи, в которой находится предмет разумного восприятия, имеет отношение ко всему этому предмету, то части эти не будут частями последнего, а каждая из них сама будет предметом разумного восприятия. В этом случае предмет разумного восприятия был бы актуально предметом разумного восприятия бесконечное число раз в один момент. Если каждая часть имеет разное отношение к этому предмету, то этот предмет, как предмет разумного восприятия, должен быть делим в уме. Но здесь мы впадаем в противоречие, так как мы пред-

положили, что он неделим. А если каждая часть имеет отношение к определенной части предмета разумного восприятия, то делимость этого предмета становится еще более очевидной, хотя это и нельзя вообразить. Из этого явствует, что формы, запечатленные в материи, суть лишь внешние формы единичных делимых вещей и каждая часть этой материи актуально или потенциально имеет отношение к каждой части этих единичных делимых вещей. Далее, вещь, множественная в силу множественности частей определения, будучи рассматриваемая в целом, представляет собой единство. Это единство неделимо. Так как же это единство как таковое может запечатлеться в чем-то делимом? Если бы оно могло запечатлеться в чем-то делимом, то возникла бы та же нелепость, о которой мы говорили при разборе случая с неделимым предметом разумного восприятия.

Далее, уже было установлено, что предполагаемые предметы разумного восприятия, в актуальном последовательном познании которых заключается действие разумной силы, потенциально бесконечны. Верно также, что субстратом того, что может охватить потенциально бесконечное, не может быть ни тело, ни находящаяся в теле сила. Это было доказано в «Сообщении по физике»¹⁵. Стало быть, совершенно невозможно, чтобы то сущее, которое воспринимает умопостигаемое, находилось в теле или чтобы оно мыслило умопостигаемое посредством того, что находится в теле, или посредством самого тела.

Раздел о том, что разумная сила не мыслит посредством телесного органа

Мы утверждаем: если бы разумная сила воспринимала посредством телесного органа, так что свойственное ей действие осуществлялось бы лишь благодаря использованию этого телесного органа, то из этого необходимо вытекало бы, что она не воспринимает ни самой себя, ни этого органа, ни того, что она воспринимает. Ибо нет никакого органа, который был бы расположен между разумной силой и ею самой. Равным образом нет никакого органа, который был бы расположен между разумной силой и ее органом или между нею и тем, что она воспринимает. Она не воспринимала бы ни самой себя, ни того, что могло бы быть названо ее органом, ни того, что она воспринимает. Из этого следует, что она воспринимает через себя, а не через какой-то орган

¹⁵ Так Ибн-Сина называет сочинение Аристотеля «Физика».

Далее, восприятие разумной силой своего органа происходило бы либо благодаря той или иной форме последнего — и в этом случае данная форма была бы одновременно и в разумной силе и в ее органе, — либо благодаря некоторой другой

форме, качественно отличной от формы ее органа — и тогда эта форма была бы также и в разумной силе и в ее органе. Если это происходило бы благодаря форме ее органа, то эта форма находилась бы всегда как в органе, так и в самой разумной силе. А из этого следует, что она всегда должна была бы воспринимать свой орган, ибо она могла бы воспринимать другие вещи только тогда, когда их формы принимались бы этим органом. Но если бы это происходило благодаря некоторой другой форме, различие между вещами, имеющими общее определение, возникало бы либо благодаря различию в их материи, либо благодаря различию между всеобщим и единичным, между отвлеченным и тем, что находится в материи. Но различия между материями не существовало бы, ибо материя этих вещей одна. Равным образом не существовало бы никакого различия и между отвлеченным и находящимся в материи, ибо как то, так и другое находились бы в материи. Точно так же не было бы никакого различия между тем, что относится к виду, и тем, что относится к роду, ибо одна форма приобретала бы единичность лишь через единичную материю и через акциденции, зависимые от материи, в коей она находилась бы, а пребывание в материи не являлось бы чем-то таким, что было бы свойственно одной форме и не свойственно другой.

Равным образом невозможно, чтобы восприятие разумной силой ее органа происходило благодаря некоторой умпостигаемой форме, отличной по виду от формы органа. Это было бы даже еще большей нелепостью, ибо, если умпостигаемая форма находилась бы в воспринимающей субстанции, то она давала бы этой субстанции знание о том, формой чего она является, так, что форма того, к чему эта форма относится, оказалась бы составной частью самой умпостигаемой формы. Но эта умпостигаемая форма не является формой данного органа (или формой чего-то такого, что имеет к нему сущностное отношение), поскольку сам орган есть субстанция, в то время как мы отвлекаем и рассматриваем лишь форму его сущности и субстанция сама по себе не может иметь к нему отношение. Это важный довод в доказательство невозможности того, чтобы воспринимающее воспринимало орган, посредством которого оно воспринимает. Вот почему чувство воспринимает внешний предмет, но не воспринимает ни самого себя, ни своего органа, ни своего воспринимающего действия. Точно так же и представление не представляет ни себя самого, ни своего действия, ни своего органа. Если бы оно даже и представляло свой орган, то оно могло бы

совершенно свободно делать это, как ему заблагорассудится, так, что образ его органа не относился бы к какому-то одному предмету, пока ощущение не передало бы ему — если это было бы только возможно — форму его органа. В этом случае оно воображало бы лишь представляемую форму, взятую именно из данного одного предмета чувственного восприятия, а не из другого, так, что если бы его орган не был данным единичным органом, то оно вовсе не могло бы его вообразить.

**Еще одно доказательство,
касающееся того же предмета**

А вот еще один ясный и убедительный довод в пользу этого. Силы, воспринимающие благодаря запечатлеванию форм в определенном органе, при продолжительном действии ослабевают, ибо постоянное движение вызывает в органах усталость и разрушает их состав. Острые впечатления, с большой силой воздействующие на органы восприятия, ослабляют, а иногда и разрушают их — так, что, восприняв их, эти органы уже не могут воспринимать более слабые впечатления, поскольку сильное действие глубоко проникающих впечатлений приводит их в страдательное состояние. Именно так обстоит дело с чувством: глубоко проникающие раздражения большой силы, повторяясь, вызывают в органах слабость, а подчас и расстройство; так действует ослепительный свет на зрение или оглушительный гром на слух. Эти чувства, испытав очень сильное раздражение, уже не могут воспринимать слабые раздражения: так, всякий, кто видит яркий свет, одновременно или даже после этого уже не может воспринимать слабое свечение; точно так же всякий, кто слышит громоподобный звук, одновременно или даже после этого не может воспринимать слабый звук; равным образом всякий, кто пробует что-нибудь очень сладкое, после этого уже не может ощутить на вкус что-нибудь менее сладкое. Но с разумной силой дело обстоит как раз наоборот: продолжительность мышления и образование разумной силой четких понятий придают ей еще большую мощь и способность к последующему восприятию чего-то менее четкого. Если же она время от времени устает и утомляется, то это происходит потому, что разум прибегает к помощи воображения, которое использует орган, поддающийся усталости, и которое поэтому иногда отказывается служить разуму. Если бы разумная сила уставала по какой-нибудь другой причине, то это случилось бы постоянно. В действительности же разум большей частью сохраняет свою работоспособность.

Третье доказательство

Далее, по завершении телесного роста, что происходит к сорока годам или около этого, силы всех частей тела начинают слабеть, в то время как разумная сила после этого большей частью как раз и крепнет. Если бы эта сила была одной из телесных сил, то со временем она должна была бы слабеть, но в действительности это бывает лишь в тех случаях, когда она сталкивается с некоторыми особыми препятствиями, а такое бывает далеко не всегда. Стало быть, она не принадлежит к числу телесных сил.

Вопрос и удовлетворительное объяснение в ответ на него

Предположение, будто душа забывает содержащиеся в ней предметы разумного восприятия, а деятельность ее прекращается как в случае болезни, так и с наступлением старости и будто все это происходит потому, что ее деятельность без помощи тела несовершенна, это предположение не необходимо и не истинно. Теперь, когда мы уже установили, что душа мыслит самостоятельно, необходимо попытаться разрешить это сомнение. Если бы эти два положения, а именно: что душа действует самостоятельно и что она перестает действовать в случае болезни, мы могли совместить, не впадая в противоречие, то всякие вопросы по этому поводу отпали бы. Так вот, мы утверждаем, что душа совершает два (вида) действий: один — по отношению к телу, которым она руководит и управляет; другой — по отношению к себе самой и к своим началам, а это как раз и есть действие разума. Эти два (вида) действий столь противоположны и так препятствуют друг другу, что, когда душа бывает занята одним из них, она отвлекается от другого, не будучи в состоянии сочетать одно с другим. Ее действия в отношении тела — это воспринимание, воображение, стремление, гнев, страх, печаль и боль. Ты можешь это знать по себе: когда начинаешь размышлять, все вышеупомянутые действия прекращаются, пока не возьмешь себя в руки и не заставишь себя вернуться к ним. Ты, конечно, не будешь отрицать, что ощущение препятствует душе осуществлять разумные действия, ибо когда душа занята предметами чувственного восприятия, она отвлекается от предметов разумного восприятия — без того, чтобы сам разум или орган умопостижения был каким-либо образом поврежден. Точно так же ты согласишься с тем, что все это объясняется занятостью души именно этим, а не каким-либо другим, особым, действием. Вот почему деятельность разума при болезни прекра-

щается. Если бы из-за (расстройства) определенного органа умопостигаемая форма совершенно исчезла и пропала, то возвращение органа к прежнему состоянию сделало бы необходимым, чтобы форма была приобретена заново. Но дело обстоит не так, ибо часто душа вновь осмысливает прежние предметы разумного восприятия, а это свидетельствует о том, что то, что она раз приобрела, так или иначе наличествовало в ней, только она была отвлечена от этого.

Однако действиям души препятствует не только упомянутая противоположность между двумя сторонами ее деятельности. Препятствия могут быть созданы также и множественностью действий одной из этих сторон. Так, страх отвлекает душу от голода, стремление мешает ей гневаться, а гнев — страшиться. Во всех этих случаях причина оказывается одна и та же, а именно — полная занятость души чем-нибудь одним. Следовательно, если нечто не совершает своего собственного действия из-за того, что оно занято чем-то другим, то оно все же может действовать даже при наличии этого другого. Мы могли бы еще много сказать по этому вопросу, но нет никакой необходимости в дальнейшем подробном рассмотрении — с нас достаточно и этого. Из установленных нами начал явствует, таким образом, что (разумная) душа и не запечатлена в теле, и не пребывает в нем. Способ ее связи с телом, стало быть, должен соответствовать ее особому положению, привлекающему ее к руководству и управлению данным единичным телом, ибо душа имеет к этому природную склонность.

Раздел о помощи, оказываемой животными силами разумной душе

Далее, мы говорим: животные силы помогают разумной душе различными способами. Один из них заключается в том, что чувственное восприятие передает ей единичные (образы), что имеет своим следствием четыре разумных действия.

Во-первых, душа отвлекает от этих единичных (вещей) простые универсалии посредством отвлечения их понятия от их материи, материальных связей и атрибутов, рассматривая то, что для них является общим, и то, что отличает их друг от друга, и выделяя то, что сущностно, и то, что акцидентально. Благодаря этому в душе возникают основные понятия, кои она приобретает, используя силы воображения и догадки.

Во-вторых, душа устанавливает между этими простыми универсалиями отношения отрицания и утверждения. Когда сочетание этих универсалий посредством отрицания и утверждения бывает первичным, самоочевидным, она просто принимает его,

но когда оно таковым не бывает, она оставляет его до того момента, пока ей не попадется средний термин.

В-третьих, она приобретает из опыта посылки либо посредством чувственного восприятия, подыскивая для подлежащего необходимое для утвердительного или отрицательного суждения сказуемое, которое может быть ему приписано, либо подыскивая противоречащее суждение (например: «Человек — разумное существо», «человек — не разумное существо», «человек — не неразумное существо»), либо подыскивая следствие в утвердительном или отрицательном соединительном суждении (например: «Если это день, то светло», «если это не день, то не светло»), либо подыскивая не противоречащее утвердительное или отрицательное разъединительное суждение (например: «Или это день, или это ночь», «это и не черное, и не белое»). Упомянутые отношения (между понятиями) бывают не иногда и не редко, а всегда, и душа, таким образом, убеждается в том, что данное сказуемое по своей природе имеет такое-то отношение к данному подлежащему или что данное следствие по своей природе вытекает из данного основания или противоположно ему по своему существу, а не по простой случайности. Таким образом, в том, что все эти (отношения между понятиями необходимы), душа убеждается как на основании чувственного восприятия, так и на основании рассуждения: на основании чувственного восприятия потому, что все это служит предметом непосредственного наблюдения, а на основании рассуждения потому, что если бы эти отношения определялись простой случайностью, то они обнаруживались бы не всегда и даже не в большинстве случаев. Так, например, обстоит дело, когда мы составляем суждение о том, что скамоний¹⁶ по своей природе оказывает слабящее действие на желчь, ибо мы часто испытывали это и рассудили, что если бы это происходило не благодаря природе скамония, а лишь по чистой случайности, то это имело бы место лишь в некоторых случаях.

В-четвертых, деятельность души заключается и в том, что она принимает такие положения, кои зиждутся на непоколебимом общепринятом мнении.

Таким образом, душа обращается к телу за помощью для приобретения перечисленных выше начал, лежащих в основе понятий и суждений. По приобретении же их она обращается к себе, и если после этого случится так, что она окажется занятой одной из сил, расположенных ниже ее, то она отвлекается от своего дела; если же она не будет занята этими силами, она не будет уже нуждаться в них для совершения свойственных

¹⁶ Скамоний — растение из семейства вьюнковых, смола из корней которого употреблялась в медицине как слабительное средство.

ей действий, кроме тех особых случаев, когда ей нужно еще раз обратиться к силе воображения для получения иного начала, чем то, которое она уже приобрела, или за тем, чтобы вызвать образ. Это бывает вначале и лишь очень редко — позже; когда же душа становится совершенной и крепкой (то есть когда она приобретает все начала, необходимые для образования понятий и суждений), она остается одна со своими действиями, а силы чувственного восприятия, воображения и другие телесные силы лишь отвлекают ее от ее деятельности. Примером тому может служить такой случай. Человеку, бывает, нужны (домашнее) животное и некоторые орудия, дабы с их помощью достичь определенной цели. И вот он достигает своей цели, но с каким-то из средств случается нечто такое, что вынуждает человека оставить его, и тогда то самое средство, которое способствовало достижению цели, становится для него уже помехой.

Итак, доводы, приведенные нами в доказательство того, что субстратом предметов разумного восприятия, то есть разумной души, не является ни тело, ни сила, расположенная в теле, избавили нас от труда продолжать доказательство того, что душа довлеет себе и не зависит от тела, хотя мы можем вывести это и иным способом из ее самостоятельных действий.

Раздел об утверждении относительно возникновения души во времени

Мы говорим: человеческие души едины по виду и по понятию. Если бы они существовали раньше тела, то по сущности своей они были бы либо чем-то множественным, либо чем-то единым. Однако, существуя раньше тела, они не могут быть ни чем-то множественным, ни чем-то единым, как это будет ясно из последующего, потому им и невозможно существовать раньше тела.

Начнем с объяснения, почему невозможно, чтобы они были множественными по числу. И мы говорим: души, существующие до тел, могли бы различаться либо по сути бытия и форме, либо по связи с элементами и (первой) материей, множественной постольку, поскольку множественны места, объемлющие определенным образом всякую материю, либо по времени возникновения, особого для каждого члена данного вида, либо по причинам, делающим их материю делимой.

Но их различие не могло бы зависеть от сути бытия и формы, ибо форма у них одна. В таком случае они различались бы между собой в том, что принимает суть бытия, и в том, к чему эта суть бытия особо относится, а таковым является тело. До своей связи с телом душа была бы чистой и простой сущью

бытия, и тогда ни одна душа не могла бы отличаться по числу от другой души, равно как и суть бытия не могла бы содержать в себе различий. И это относится вообще ко всему, ибо множественность видов того, сущность чего есть лишь чистое понятие, зависит только от принимающего их субстрата и того, на что они воздействуют, или же она зависит от времени. Но когда они совершенно просты, то есть когда к ним не применимы перечисленные нами категории, они не могут различаться между собой. Поэтому невозможно, чтобы они содержали в себе какое-нибудь различие или множественность. Отсюда ясна ошибочность положения, согласно которому души до своего вхождения в тело различаются между собой по числу.

Я говорю: равным образом невозможно, чтобы души имели единую по числу сущность. Ибо когда возникают два тела, в них возникают две души, и тогда либо эти две души были бы двумя частями одной и той же души (в таком случае единая вещь, не обладающая ни величиной, ни размером, была бы потенциально делима, но это, как было установлено в физике, есть явная нелепость), либо же единая по числу душа находилась бы в двух телах, но для доказательства ложности этого предположения не требуется особенно больших усилий.

Итак, установлено: души возникают тогда, когда возникает тело, годное для того, чтобы им пользовалась душа. Возникшее тело оказывается владением и орудием души. В субстанции души, возникающей вместе с некоторым телом — с таким телом, которое по своему устройству заслужило, чтобы в нем из первых начал возникла душа, — имеется естественное стремление заниматься этим телом, пользоваться им, заботиться о его состояниях и быть им влекомой. Это стремление связывает душу именно с данным телом и отвлекает ее от всех прочих тел, отличных от него по своей природе, так что с последними она связывается не иначе, как через посредство этого тела. Таким образом, когда в этом теле появляется начало его индивидуации, а именно особое расположение (составляющих его элементов), оно становится индивидом. Это расположение определяет связь души именно с данным телом, и оно таково, что душа и тело подходят друг для друга, хотя это расположение и это свойство тела остаются от нас скрытыми. Душа достигает своего первого завершения посредством тела.

Однако, отделившись от своих тел, души продолжают быть единичными в силу различия материи, в коих они находились, в силу различия во времени их возникновения и в силу различия в их устройстве. Причина же этого кроется в их телах, кои необходимо отличаются друг от друга своими условиями.

Раздел о том, что душа не гибнет с гибелью тела и не уничтожается

Мы говорим: душа вовсе не гибнет вместе с гибелью тела, она вообще нетленна. Что же касается этого первого положения, то дело в том, что все то, что гибнет с гибелью чего-то другого, некоторым образом связано с ним, а все то, что некоторым образом связано с чем-то другим, либо существует одновременно с ним, либо следует за ним в бытии, либо предшествует ему, причем предшествование это является предшествованием по природе, а не во времени. Если душа была бы связана с телом таким образом, что она существовала бы одновременно с ним, и если бы это не было акцидентально, а относилось бы к ее сущности, то они по своей сущности зависели бы друг от друга. Тогда ни душа, ни тело не были бы субстанциями; в действительности же они субстанции. А если бы эта связь была акцидентальной, а не сущностной, то с гибелью одного из них другое лишилось бы только акцидентального отношения, но само бытие его с уничтожением другого не прекратилось бы. Если же душа была бы связана с телом таким образом, что она следовала бы за ним в своем бытии, то тело было бы причиной существования души. А поскольку причины бывают четырех видов, то тело было бы либо действующей причиной души, (в этом случае) оно наделяло бы ее существованием, либо ее материальной причиной, воздействующей, может быть, через сочетание (как это обстоит дело с элементами в их отношении к телу) или без сочетания (как это обстоит дело с бронзой в ее отношении к статуе), либо же формальной или целевой причиной. Но тело не может быть действующей причиной души, ибо как таковое оно действует не само по себе, а лишь через свои силы. Если бы оно действовало само по себе, а не через свои силы, то точно таким же образом действовало бы каждое тело. Далее, телесные силы в совокупности своей являются либо акциденциями, либо материальными формами, а акциденции или формы, существующие в материи, не могут вызывать существование чего-то самодовлеющего, независимого от материи или существование субстанции вообще. Равным образом тело не может быть материальной причиной души, ибо душа, как мы уже ясно показали и доказали, никоим образом не запечатлена в теле. Тело, стало быть, не наделяется формой души — будь то без сочетания или через сочетание — таким образом, чтобы части тела сочетались и смешивались друг с другом и чтобы душа затем запечатлевалась в них. Точно так же тело не может быть формальной и целевой причиной души — дело обстоит как раз наоборот.

Таким образом, душа связана с телом не так, как действие с необходимой причиной. Истина же заключается в том, что

тело и смесь (элементов в нем) являются акцидентальной причиной души, ибо, когда материя тела предрасположена к тому, чтобы стать орудием души, и когда возникает особый носитель души, отрешенные (от материи) причины вызывают существование единичной души, и именно таким образом из них возникает душа. Ибо различные души не могут возникать произвольно, без особой на то причины. Кроме того, душа не допускает множественности по числу, как мы это уже показали выше. Далее, всякий раз, когда возникает что-то новое, ему должна предшествовать материя, готовая принять его или иметь к нему отношение, как это было выяснено в других науках. Опять же, если бы единичная душа возникла без такого орудия, посредством которого она достигает совершенства и осуществляет свои действия, то существование этого орудия было бы напрасным, но в природе нет ничего напрасного. В действительности, когда орудие годно и готово к тому, чтобы войти в отношение (с душой), становится необходимо, чтобы такая вещь, как душа, возникла из отрешенных (от материи) причин. Но если существование чего-то одного делает необходимым существование чего-то другого, то уничтожение первого не приводит к необходимости к уничтожению второго — это бывает лишь в том случае, когда само существование его имеет место благодаря этой вещи или в ней. Ведь сколько существует вещей, кои, возникнув из других вещей, продолжают существовать после уничтожения последних, когда они своим существованием обязаны не им и особенно когда они существуют благодаря чему-то иному, нежели то, что было лишь подготовкой к истечению их существования. Существование души, как мы это уже разъяснили, в действительности происходит от чего-то иного, нежели тело и телесные действия. Начало существования души должно быть в чем-то ином, нежели в теле. Таким образом, если душа обязана своим существованием этому иному и если она обязана телу лишь временем своего возникновения, то ее существование независимо от тела, которое является всего лишь его акцидентальной причиной. Нельзя сказать, что между телом и душой имеется такое отношение, которое требует, чтобы тело предшествовало душе в качестве ее необходимой причины.

Обратимся теперь к третьему из допущенных нами вначале положений, то есть к тому, что связь души с телом могла бы означать, что душа в бытии предшествует телу. В таком случае предшествование будет предшествованием либо во времени и по природе — тогда существование души, очевидно, не могло бы быть связано с телом, поскольку она предшествует телу во времени,— либо оно будет лишь по природе, а не во времени, поскольку во времени душа не отделена от тела. Подобное предшествование означает, что когда возникает предшествующее, то

из него должно следовать существование последующего. И тогда предшествующее не может существовать, если последующее предположено как несуществующее. Я не утверждаю, что несуществование последующего необходимо предполагает несуществование предшествующего, но я говорю, что последующее может быть несуществующим только в том случае, если вначале с предшествующим естественным образом бывает нечто такое, что делает его также несуществующим. Таким образом, не несуществование последующего необходимо предполагает несуществование предшествующего, а несуществование самого предшествующего, ибо последующее можно предположить несуществующим только в том случае, если перестало существовать само предшествующее. А раз так, то из этого следует, что причина несуществования (тела) должна заключаться в субстанции души, делая необходимым уничтожение тела одновременно с уничтожением души, и что тело не может уничтожиться по причине, заключенной в нем самом. Но в действительности уничтожение тела происходит именно по причине, заключенной в нем самом, то есть вследствие изменений в его составе и смеси (элементов). Таким образом, утверждение о том, что, (с одной стороны), душа связана с телом, как нечто предшествующее по природе и, (с другой стороны), что тело действительно уничтожается по причине, заключенной в нем самом, несостоятельно. Никакого такого отношения, стало быть, между душой и телом не существует. А раз так, то доказана ложность положения о существовании всех этих видов связи между телом и душой, и остается лишь признать, что душа в бытии не имеет никакой связи с телом, а имеет связь с началами, не подверженными изменению или уничтожению.

Что же касается утверждения, что душа совершенно не подвержена уничтожению, то я скажу, что существует и другая, последняя причина нетленности души. Все, что может уничтожиться по какой-нибудь причине, включает в себе потенциальность уничтожения и — до уничтожения — актуальность устойчивости. Но невозможно, чтобы одно и то же в одном и том же отношении обладало и потенциальностью уничтожения и актуальностью устойчивости. Потенциальностью уничтожения оно не может быть обязано актуальности своей устойчивости, ибо понятие потенциальности противоположно понятию актуальности. Равным образом и отношение этой потенциальности противоположно отношению этой актуальности, ибо потенциальность имеет отношение к уничтожению, а актуальность — к устойчивости. Оба понятия, таким образом, могут быть отнесены к двум разным сторонам данной вещи. Поэтому мы говорим: актуальность устойчивости и потенциальность уничтожения могут сочетаться в сложных вещах, а также в таких простых

вещах, кои существуют в сложных; но в простых вещах, у каждой из которых — своя отдельная сущность, эти два понятия несовместимы. Иначе говоря, эти два понятия несовместимы в какой-либо простой вещи, сущность которой едина. Ибо все, что устойчиво и имеет потенциальность уничтожения, имеет также и потенциальность устойчивости, ибо устойчивость его не является необходимой. Когда оно не необходимо, оно возможно, а возможность обладает природой потенциальности. Таким образом, потенциальность устойчивости находится в самой субстанции устойчивого. Однако совершенно ясно, что актуальность устойчивости чего-то не тождественна с ее потенциальностью, и актуальность его устойчивости, стало быть, является чем-то таким, что оказывается в теле, обладающем потенциальностью устойчивости. Поэтому такая потенциальность имеется не в чем-то потенциальном, а в чем-то таком, актуальное существование чего лишь акцидентально и не составляет его действительной сущности. Из этого с необходимостью следует, что существование его определяется тем, обладание чем придает актуальность его существованию, — это является формой в каждой данной существующей вещи, — и тем, благодаря чему достигается это актуальное существование, но что само по себе имеет лишь потенциальность существования, — это материя данной существующей вещи.

Итак, если душа совершенно проста и не поддается делению на материю и форму, то она не подвержена уничтожению. Но если она есть нечто сложное, то давайте, оставив в стороне сложное, рассмотрим лишь субстанцию, которая есть ее материя. И мы говорим: или эта материя будет оставаться делимой и, таким образом, тот же разбор будет и далее применим к ней в этом случае мы будем иметь бесконечный ряд, а это приведет нас к нелепости, — или же эта субстанция и основа (сложной вещи) никогда не прекратит своего существования. Но если так, то данное рассуждение ведется именно об этом — об основе и начале, то есть о субстанции, а не о чем-то сложном, составленном из субстанции и из чего-то другого. Таким образом, ясно: все, что является простым, а не сложным, или что есть начало и основа (то есть субстанция) сложной вещи, само по себе не может обладать одновременно актуальностью устойчивости и потенциальностью уничтожения. Если бы оно обладало потенциальностью уничтожения, то у него не могло бы быть актуальности устойчивости, а если бы оно обладало актуальностью устойчивости и существования, то у него не могло бы быть потенциальности уничтожения. В таком случае ясно: субстанция души не обладает потенциальностью уничтожения.

Там, где имеет место возникновение и уничтожение, уничтожаются лишь отдельные сложные вещи. Потенциальность унич-

тожения и устойчивости не свойственна в одно и то же время чему-то такому, что придает сложной вещи единство, — она свойственна материи, которая подчиняется обеим этим противоположностям. Таким образом, подверженная уничтожению сложная вещь как таковая не обладает ни потенциальностью устойчивости, ни потенциальностью уничтожения, не говоря уже о той и другой вместе. Что же касается самой материи, то она или обладает устойчивостью, но не благодаря какой-нибудь потенциальности, наделяющей ее способностью к устойчивости, как это полагают иные, или же она обладает устойчивостью благодаря какой-то потенциальности, придающей ей устойчивость, но не обладает потенциальностью уничтожения, причем последняя есть нечто приобретаемое ею. Потенциальность уничтожения простых вещей, существующих в материи, имеется благодаря материи и не находится в их собственной субстанции. Что все возникающее исчезает из-за конечной природы потенциальности устойчивости и уничтожения, доказывается применительно лишь к тем вещам, существование которых возможно лишь благодаря сочетанию материи и формы. Материя обладает потенциальностью устойчивости в ней данной формы и одновременно потенциальностью уничтожения в ней этой формы. Отсюда ясно: душа нетленна. А это и есть то, что мы хотели обосновать доводами, и то, что мы желали доказать.

Раздел о несостоятельности утверждений относительно переселения душ

Мы разъяснили, что души возникают и становятся множественными, когда тела готовы принять их — в том смысле, что эта готовность тел делает необходимым истечение их душ из отрешенных (от материи) причин. Потому и очевидно, что это происходит не случайно, или акцидентально, то есть не так, чтобы возникающая душа могла бы существовать не благодаря тому, что данная особая смесь элементов¹⁷ требует, чтобы душа возникла и управляла ею, а благодаря тому, что душа уже существует, а тело возникает, будучи акцидентально соединено с (уже существующей) душой. Если бы дело обстояло подобным образом, то для множественности не было бы никакой сущностной причины, а была бы лишь акцидентальная причина. Мы уже знаем, что сущностные причины предшествуют акцидентальным, а раз так, то каждое тело со своей особой смесью элементов нуждается в особой для себя душе, но не бывает так, чтобы

¹⁷ Речь идет о темпераменте (temperamentum — надлежащая смесь, соразмерность смеси).

одни тела нуждались в особой для себя душе, а другие — нет, ибо члены того или иного вида не отличаются друг от друга материей, составляющей их сущность. Так, если мы предположим, что душа переселяется в несколько тел, каждое из коих нуждается для своего существования в отдельной связанной с ним душе, то две души соединятся в одном и том же теле в одно и то же время. Далее, как мы уже говорили, отношение между телом и душой заключается не в том, что душа запечатлена в теле, а в том, что душа управляет телом таким образом, что она осознает это тело, а тело испытывает ее действия. Всякое живое существо осознает, что у него есть одна душа, которая распоряжается и управляет им так, что если бы это была какая-нибудь другая, не осознаваемая этим живым существом душа, то она не осознавала бы и себя и не занималась бы своим телом; в этом случае такая душа не имела бы никакого отношения к своему телу, ибо отношение между телом и душой именно таково. Таким образом, не может быть никакого переселения душ, что бы под этим ни подразумевалось. Изложенного достаточно для всякого, кто хочет вкратце ознакомиться с данным вопросом, хотя мы обсудили его довольно подробно.

Раздел о единстве души

Мы говорим: душа есть единая субстанция и обладает множеством сил. Если силы души не были бы соединены во что-то единое, а чувство, гнев и каждая из прочих сил имели бы свои самостоятельные начала, то при воздействии чего-то на чувство либо одно и то же воздействовало бы на силы гнева и стремления, так что одна и та же сила души и приходила бы в гнев, и воспринимала бы, и воображала бы, и тогда различные виды действий исходили бы от одной и той же силы; либо чувство и гнев были бы соединены в единую силу, и тогда они не разделялись бы на две самостоятельные силы, не подчиненные одному объединяющему началу.

Поскольку на самом деле эти силы воздействуют и влияют друг на друга, то либо каждая из них должна изменяться с изменением другой, либо существует нечто объединяющее их, чему эти силы передают все, что сами принимают, и что принимает все, что они ему передают. Первое предположение нелепо, ибо каждой силе свойственно особое действие, ведь говорится: такая-то сила является силой того-то. Каждая сила подходит не для любого действия. Так, сила гнева, поскольку она есть сила гнева, не воспринимает, а сила восприятия, поскольку она есть сила восприятия, не приходит в гнев. Тогда остается второе предположение, то есть, что все силы передают единому началу

все то, что принимают сами. Если кто-нибудь возразит, что сила гнева не испытывает прямого воздействия со стороны воспринимаемой формы, но что восприятие воспринимающей силы необходимо сопровождается воздействием гнева на силу гнева, хотя последняя не подвергается воздействию со стороны формы воспринимаемого предмета, — если кто-нибудь выдвинет такое возражение, то следует ответить, что это возможно. Ибо когда сила гнева испытывает воздействие воспринимающей силы, то это происходит либо потому, что до нее доходит воздействие воспринимающей силы, которое (на самом деле) является воздействием воспринимаемого предмета, так что в конечном счете воздействие на нее оказывает воспринимаемый предмет — но все, что испытывает воздействие воспринимаемого предмета как такового, само воспринимает; либо потому, что сила гнева испытывает воздействие воспринимающей силы, но не под влиянием воспринимаемого предмета — в этом случае гнев возникнет не под влиянием воспринимаемого предмета; но поскольку было предположено, что он возникает именно под влиянием самого воспринимаемого предмета, то мы впадаем в противоречие.

Далее, мы говорим: «Восприняв то-то и то-то, я разгневался» — и это будет истинным суждением, — так что здесь мы имеем нечто такое, что и воспринимает и гневается, а это есть либо тело человека, либо его душа. Если это тело, то это либо совокупность органов, либо только некоторые из них. Но это не может быть совокупностью органов, так как руки и ноги, конечно, не входят в него. Равным образом это и не два органа: один — воспринимающий и другой — гневающийся, ибо в таком случае это нечто не могло бы быть чем-то одним, что и воспринимало бы и гневалось бы. Это и не один орган, который, по мнению последователей этого взгляда, мог бы совершать оба действия. Вероятнее всего, истина заключается в том, что, когда мы говорим: «Я воспринял и разгневался», — мы имеем в виду, что нечто в нас восприняло и нечто в нас разгневалось, но не имеем в виду, что это происходит с двумя разными расположенными в нас «нечто»; этим хотят сказать, что нечто такое, чему восприятие передало свое содержание, разгневалось. Тогда либо это суждение, понимаемое именно в этом смысле — в том, в коем мы его истолковали, — является ложным, либо истина заключается в том, что то, что воспринимает, и то, что гневается, суть одно и то же. Но суждение это явно истинное — в том смысле, в коем мы его истолковали. В таком случае гневающееся есть именно то, чему воспринимающая сила передает содержание своего восприятия. Это нечто, даже в том случае, если таковым является тело, пребывает в данном состоянии не только потому, что оно — тело, но и потому, что обладает такой силой,

благодаря которой оно способно сочетать и то и другое. Этой нетелесной силой должна быть сама душа.

Таким образом, носителем обоих этих качеств не является ни все наше тело, ни какие-то два органа нашего тела, ни какой-нибудь один орган, поскольку он является телесным органом. Отсюда вывод: тем, что сочетает в себе оба качества, служит сама душа или тело — поскольку оно имеет душу, — причем в последнем случае носителем этих качеств будет душа, которая сама есть начало всех этих сил. Необходимо, чтобы душа была связана с первым органом, в коем рождается жизнь, а потому ни один орган не может жить, если с ним не связана определенная телесная сила, и первым, что связывается с телом, может быть лишь это начало, а не какая-нибудь следующая за ним сила. А раз дело обстоит так, то органом, с которым связано это начало, должно быть сердце. Это воззрение Аристотеля противоположно воззрению философа Платона, Однако здесь мы сталкиваемся с одной трудностью: мы видим, что в растении имеются растительные силы, но у него нет воспринимающей или разумной души. Далее, у животного имеется как растительная, так и воспринимающая душа, но у него нет разумной души. А это свидетельствует о том, что каждая из них представляет собой силу, отличную от другой силы и не связанную с ней. Для устранения этого сомнения необходимо уяснить себе, что обрести жизнь телам, состоящим из элементов, мешает то, что им свойственна крайняя противоречивость. Чем более способны эти тела освободиться от этой противоречивости и приблизиться к чему-то среднему, не имеющему противоположности, тем более они уподобляются небесным телам, и в той же мере они заслуживают того, чтобы они получили от отрешенного (от материи) управляющего начала одушевляющую силу. И чем более они приближаются к чему-то среднему, тем более они становятся способными к жизни, пока, наконец, не достигают такого предела, где им уже невозможно больше приближаться к чему-то среднему и освободиться от противоречащих друг другу противоположностей. Так они получают определенную субстанцию, имеющую некоторым образом сильное сходство с самой нематериальной субстанцией, так же как небесные тела, получив ее, оказались связанными с нематериальной субстанцией. О том, о чем говорилось (в случае, когда тела, состоящие из элементов, уже получили эту субстанцию) как о возникающем в этих телах лишь благодаря отрешенной (от материи) внешней субстанции до того, как была получена ими эта новая субстанция, — об этом можно теперь говорить как о возникающем в них благодаря обеим этим субстанциям. Приведем пример из физики. Возьмем огонь или даже солнце на месте нематериальной субстанции, а на месте живого тела — материальную субстанцию, способную

испытывать воздействие огня, скажем, шар. На месте же растительной души возьмем нагревание шара солнцем, на месте животной души — освещение его солнцем, а на месте человеческой души — разжигание в нем огня солнцем. И мы говорим: положение этого шара в отношении огня или солнца, воздействие которого он способен испытывать, может быть таким, что ему нельзя будет ни освещаться, ни разжигаться ими, но он сможет нагреваться ими. Но если его положение в отношении источника света или тепла изменится так, что он сможет быть освещаемым, просвечиваемым и нагреваемым, то о свете, исходящем из источника и направленном к шару, можно будет также сказать, что он является причиной нагревания шара, дополнительной к самому источнику, ибо солнце греет именно своими лучами. Но в этом случае, если бы шар обладал большей способностью получать свет и тепло и, испытывая воздействие от силы или лучей того, что разжигает, имел способность к горению, то он воспламенился бы и возникло бы пламя как некоторое тело, в определенном смысле подобное нематериальной субстанции, какой является здесь солнце. Тогда это пламя вместе с нематериальной субстанцией было бы причиной как освещения, так и нагревания. Если бы было одно только пламя, то вместе с ним продолжались бы и нагревание, и освещение, хотя возможно, что было бы лишь одно только нагревание или были бы лишь нагревание и освещение, и в этом случае пламя не было бы источником нагревания и освещения. Но если бы все фазы появлялись одновременно, тогда то, что предполагается как последующее, было бы также источником последующего, и последующее проистекало бы из него. Так, примерно, следует понимать телесные силы. Отсюда явствует также и то, что душа существует вместе с телом и что источником ее происхождения служит не тело, а некая субстанция, представляющая собой бестелесную форму.

Мы говорим: умозрительная сила в человеке переходит из потенциального состояния в актуальное также благодаря освещению субстанцией, природа которой в этом освещении и заключается, ибо вещь переходит из потенциального состояния в актуальное не самостоятельно, а благодаря чему-то другому, придающему ей актуальность. Актуальность, которую субстанция эта придает потенциальному человеческому разуму, — это предметы разумного восприятия. Значит, существует нечто такое, что из своей субстанции дарует и запечатлевает в душе предметы разумного восприятия; стало быть, это нечто имеет предметы разумного восприятия в самом себе и потому само по себе является разумом. Если бы оно было потенциальным разумом, то мы имели бы здесь бесконечный ряд, что было бы нелепостью, и, таким образом, периоды должны завершиться

чем-то таким, что в своей сущности является разумом и что делает актуальными все потенциальные разумы. Это нечто само по себе есть достаточная причина для того, чтобы остальные разумы были приведены из потенциального состояния в актуальное, и, соотношенное с потенциальными разумами, переходящими в состояние актуальности, оно называется деятельным разумом — в то время как материальный разум, соотношенный с ним, называется претерпевающим разумом, а воображение, соотношенное с ним, — вторым претерпевающим разумом. Разум же, занимающий срединное положение между тем и другим разумом, называется приобретенным разумом.

Этот деятельный разум имеет к нашим душам, кои суть потенциальные разумы, и к предметам разумного восприятия, кои также потенциальны, такое же отношение, какое солнце имеет к нашим глазам, представляющим собой нечто потенциально воспринимающее, и к цветам, представляющему собой нечто потенциально воспринимаемое, ибо, когда воздействие солнца достигает потенциальных предметов зрительного восприятия, последние становятся актуально воспринимаемыми, а глаз — актуально воспринимающим. Равным образом от деятельного разума истекает определенная сила, которая переходит к предметам воображения, потенциально являющимся предметами разумного восприятия, и делает их актуальными, а потенциальный разум — актуальным разумом.

Точно так же, как солнце само по себе есть предмет зрительного восприятия, делающий потенциальные предметы зрительного восприятия актуальными, так и упомянутая выше субстанция есть сама по себе предмет разумного восприятия, делающий другие потенциальные предметы разумного восприятия актуальными. Но то, что само по себе есть предмет разумного восприятия, есть само по себе и разум, ибо то, что само по себе является предметом разумного восприятия, есть отвлеченная от материи форма — особенно когда она отвлечена сама по себе, а не благодаря чему-то другому. Именно таким является деятельный разум. Следовательно, этот разум должен вечно быть сам по себе предметом разумного восприятия и разумом в актуальном состоянии.